

УДК 811.581`27
ББК 81.2

Н.Н. Котельникова

**ПУБЛИЧНЫЕ ДИРЕКТИВЫ
КАК ЧАСТЬ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ЛАНДШАФТА
СОВРЕМЕННОГО
КИТАЙСКОГО ГОРОДА***

Публичные директивы, являясь неотъемлемой частью лингвистического ландшафта любого города, не просто отражают существующую систему ценностей общества, культурные нормы и стандарты, но и влияют на их формирование. В статье исследуются лингвистические и социокультурные особенности текстов китайских публичных директивов, отмечаются тенденции к смягчению коммуникативного намерения в текстах директивов, соблюдению принципа вежливости, отказу от готовых формул и клише, использованию имплицитных форм выражения побудительной интенции.

Ключевые слова: *Китай, лингвистический ландшафт, публичный директив, прескриптив, реквестив, суггестив.*

DOI 10.18522/1995-0640-2020-1-93-102

Котельникова Надежда Николаевна – канд. пед. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета
E-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com

© Котельникова Н.Н., 2020.

Город, как особая динамично развивающаяся информационная среда, открытое культурно-коммуникативное пространство, служащее площадкой для взаимодействия большого количества людей, вбирает в себя множество дискурсов, которые, пересекаясь между собой, формируют язык города. Настоящая статья, написанная в рамках проекта РФФИ «Язык большого города: медиа-урбанистический дискурс в России и КНР», посвящена изучению языка современных китайских мегаполисов, который, воплощаясь в тех или иных формах, «отражает динамику развития современного города и государства в целом, что обуславливает своевременность, актуальность и социальную значимость проводимых в этом русле исследований» [Леонтович, 2018, с. 200].

Широкие возможности для изучения языка города дает использование метода анализа семиотики городской среды, получивший название «описание лингвистического ландшафта» [Кирилина, 2013, с. 159]. Термин «лингвистический ландшафт» (linguistic landscape) ввели в употребление в 1997 г. Р. Лоундри и Р. Борхис, определявшие его как «язык придорожных плакатов, рекламных щитов, названий улиц, вывесок на магазинах и общественных учреждениях» [Laundry, 1997, p. 25]. Д. Гортер лаконично определяет лингвистический ландшафт как «использование письменного

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09114.

языка в публичном пространстве» [Gorter, 2006, p. 2]. Мы считаем, что весьма исчерпывающее определение термину «лингвистический ландшафт» дали в своей работе отечественные исследователи В.В. Баранова и К.С. Федорова: лингвистический ландшафт – это «понятие, включающее всю совокупность визуального существования языка (и различных языков) в пространстве. Это любые указатели, рекламные щиты и плакаты, вывески, объявления, граффити, таблички с названиями улиц, районов, населенных пунктов и т.п., на которых в той или иной графике, с использованием тех или иных визуальных средств представлена различная информация, выраженная посредством языка» [Баранова, Федорова, 2017, с. 104]. И отечественные, и зарубежные исследователи рассматривают описание лингвистического ландшафта как новый перспективный междисциплинарный метод изучения современного состояния языка и общества. Как отмечает О.Р. Бондаренко, использование теории лингвистического ландшафта «позволяет рассмотреть проблему комплексно и в разных аспектах: с точки зрения лингвистических (лексических, морфолого-синтаксических, прагмалингвистических) и дискурсивных особенностей, а также социальных (идентификации адресата и адресанта и др.), географических, психологических (способов самопозиционирования и воздействия на адресата), экологических (уместности и оправданности с позиций культурной экологии)» [Бондаренко, 2016, с. 243].

Одной из важных составляющих лингвистического ландшафта любого города являются публичные директивы. Под термином «публичный директив» мы вслед за Л.В. Шориной понимаем «дорожные знаки, объявления и таблички, которые вывешиваются в общественных местах и регулируют поведение граждан, предписывая им поступать в соответствии с указаниями прескриптора» [Шорина, 2007, с. 3]. В английском языке основным терминологическим наименованием текстов, регламентирующих или иницилирующих социально желательное поведение людей в общественных местах, является «public signs», в китайском – «公示语» («*общественные оповещения*») либо 告示语 («*оповещающие надписи*»). В отечественной же науке отсутствует терминологическое единообразие в отношении текстов данного типа. Их называют «инструкционно-запретительными надписями» [Покровская, Кудинова, 2011], «информативно-регулирующими указателями» [Тер-Минасова, 2008], «инструктивными общественными указателями» [Еремеев, 2001], «общественными знаками» [Медведева, 2008] (условное соответствие английскому термину «public signs») и др. В нашем исследовании будем использовать термин «публичный директив», поскольку считаем его лаконичным и емким, отражающим информацию как о реципиенте и сфере применения текста, так и о коммуникативной интенции его автора.

Публичные директивы могут быть выражены вербальными или иконическими (изобразительными) знаками, либо быть креолизованными, т.е. представлять собой сочетание вербальных и невербальных

средств передачи информации. Объектом настоящего исследования являются публичные директивы, выраженные в вербальной форме.

Цель исследования – изучение лингвистических и социокультурных особенностей текстов китайских публичных директивов. Материалом исследования послужили тексты 276 публичных директивов г. Тяньцзиня (одного из четырех городов центрального подчинения в Китае, быстрорастущего мегаполиса с населением 14,5 млн человек).

В лингвистической литературе, посвященной директивным высказываниям, принято выделять три основных класса директивных речевых актов: прескриптивы/облигативы (требования, приказы, команды, запреты), реквестивы (просьба, мольба) и суггестивы/адвисивы (совет, предложение, предупреждение, предостережение) [Петрова, 2008].

Публичные директивы прескриптивного характера – однозначные и категоричные волеизъявления, исполнение которых является обязательным. Большинство (82 %) проанализированных нами китайских публичных директивов прескриптивного характера представляют собой запреты, выражаемые при помощи базовой лексики со значением запрета 禁 (*запрещено*), например: 严禁吸烟 (*курить строго воспрещается*), 禁止大声喧哗 (*шуметь запрещено*); отрицательной формы глаголов со значением разрешения 不准 (*не разрешается*) и 不许 (*не допускается*), например: 不许停车 (*парковка запрещена*); а также модальных отрицаний 莫 (*не, не надо, нельзя*) и 勿 (*не, не надо, нельзя*) древнекитайского литературного языка вэньянь, которые являются маркером повелительности в запретительных предложениях, например: 闲人勿入 (*Посторонним не входить*). Следует отметить, что элементы вэньяня, языка лаконичного и вместе с тем емкого в смысловом отношении, довольно часто встречаются в современной китайской городской эпиграфике. Обращение к вэньяню является одним из традиционных способов экономии языковых средств и, безусловно, находит свое применение при оформлении текстов малых форм, предполагающих, что адресат сможет воспринять их, охватив одним взглядом. Меньшая часть (8 %) проанализированных нами директивов прескриптивного характера представляет собой требования и инструкции, например: 保持清洁 (*Сохраняйте чистоту!*), 先下后上 (*Сначала – выходят, затем – заходят*). Надпись расположена на остановке общественного транспорта).

Как отмечает Ван Цайли, рассматривавшая диахронические изменения языка китайских городских надписей, до начала периода проведения политики «реформ и открытости» (конец 70-х гг. XX в.) подавляющее большинство китайских публичных директивов имели форму прескриптива, что указывает на авторитарность волеизъявлений властных структур [Wang, 2005, p. 61]. Это является характерным для иерархического общества, в сознании которого формируются представления о существовании высшей руководящей инстанции, которая имеет право в крайне категоричной и безапелляционной манере раздавать указания и определять действия любого человека в той или иной ситуации. Прескриптивный характер публичных директивов указывает на дистанцию

между прескриптором, в качестве которого, как правило, выступают неидентифицируемые представители власти и адресатом (рядовым гражданином), категоричность формулировок свидетельствует о том, что прескриптор обращается к адресату с позиции силы, не оставляя ему возможности самостоятельно принимать решения и рассматривая его как потенциального нарушителя общественного порядка. Проведенный нами анализ фактического материала говорит о том, что в настоящее время прескриптивы уже не являются основной формой китайских публичных директивов, что подтверждают и исследования китайских ученых [Wang, 2005; Chen, 2001]. Из проанализированных нами образцов только 16% публичных директивов были прескриптивного характера, причем их употребление в большинстве случаев было обусловлено необходимостью соблюдения техники безопасности, например: 驾驶时禁止使用手机 (*Во время вождения пользоваться мобильным телефоном запрещено*); 如遇火警, 勿用电梯 (*В случае пожара не используйте лифт*); 高楼平台, 严禁出入 (*Выход на крышу. Доступ строго воспрещен*); 燃气设施, 严禁烟火 (*Газовое оборудование. Курение строго запрещено*). Зачастую современные публичные директивы прескриптивного характера, как в последних двух примерах, состоят из двух частей – собственно прескриптива и дополнительной информации, которая выполняет экспликативную функцию, разъясняя причины запрета или требования, за счет чего, по нашему мнению, при всей безапелляционности высказывания, демонстрируется некое уважение по отношению к адресату.

Значительно бóльшую часть (49%) проанализированных нами публичных директивов составляют реквестивы. Публичные директивы реквестивного характера стали активно использоваться в КНР с конца 70-х гг. XX в. – периода, ставшего переломным этапом экономического развития Китая. Проведение политики «реформ и открытости», стремительный экономический рост, осуществление модернизации страны и, как следствие, улучшение качества жизни народа привели к значительным изменениям в общественном сознании, которые нашли свое отражение в языке, в том числе и в языке публичных директивов [Wang, 2005, р. 61]. Использование реквестивов призвано сократить коммуникативную дистанцию между адресатом и адресантом, сделать общение более неформальным, выказать уважение к личности адресата, предоставив ему возможность самостоятельно принимать решение действовать тем или иным образом. Основным маркером вежливости, придающим китайским публичным директивам реквестивный характер является глагол 请 (*просить, обращаться с просьбой*), например: 请保持安静 (*Просим соблюдать тишину*), 请勿乱扔杂物 (*Пожалуйста, не сорите*). Часто в структуру публичных директивов реквестивного характера входит выражение благодарности с использованием маркера вежливости 谢谢合作 (*Спасибо за сотрудничество*), например: 请将垃圾投入保洁桶内, 谢谢合作! (*Просим выбрасывать мусор в урну. Спасибо за сотрудничество!*). Иногда используется уважительное местоимение 2-го лица 您 (*Вы*), например: 请照顾好您的小孩 (*Пожалуйста, следите за Вашим ребенком*).

Важно отметить тенденцию последних двух десятилетий к смягчению запретительных надписей, употребляемых в сравнительно безопасных ситуациях, за счет отказа от готовых формул и клише, использования более свободных, нетрадиционных форм выражения запретов и просьб, креативных фраз, приемов рифмования, олицетворения, языковой игры и проч., например: 小草对您微微笑, 请您把路绕一绕 (*Травка улыбается Вам, просим Вас обойти ее стороной*), 请你近距离投篮 (надпись на урне: *Пожалуйста, делай бросок с ближней дистанции*), 小草正在休息, 请勿打扰 (*Травка отдыхает, просьба не беспокоить*).

Это способствует сокращению дистанции между адресатом и адресантом, формированию дружественной атмосферы и является проявлением демократизации языка публичных надписей [Liu, 2013, p. 131].

В большинстве своем побудительная интенция в китайских публичных директивах выражена эксплицитно. Однако нами отмечено и наличие значительного количества имплицитных реквестивов (14% от общего количества рассмотренных нами публичных директивов реквестивного характера), представляющих собой повествовательные или вопросительные высказывания, «в семантической структуре которых не обнаруживается элементов побудительной интенции говорящего, а именно акта планируемого действия и каузации агента к выполнению данного действия» [Насилевич, 2010, с. 133], и интерпретация которых определяется исключительно ситуацией. Приведем примеры текстов косвенных реквестивов:

青青草, 怕您的脚 (*Молодая травка боится Ваших ног*), ситуация: табличка с надписью расположена на газоне; интерпретация, заданная адресантом: *Не ходите по газону*.

自来水不自来, 点点滴滴是钱财! (*Водопроводная вода не «приходит сама», каждая капля – богатство!*). В этом примере задействован прием языковой игры, основанной на актуализации семантического значения иероглифов, которые входят в состав слова 自来水 (*водопроводная вода*): 自 (*сам*), 来 (*приходить*), 水 (*вода*). Ситуация: надпись расположена над умывальником в общественном туалете; интерпретация, заданная адресантом: *Экономно используйте воду*.

Подобные косвенные директивы мы относим к реквестивам, поскольку они, как и «прямые» реквестивы побуждают к действию, совершаемому в интересах адресанта, предполагая при этом наличие у адресата свободы выбора. Причем имплицитные реквестивы предоставляют адресату большую свободу: хотя бы гипотетическую возможность реагировать на них как на не-директивы. А возможность «одновременного прочтения двух коммуникативных смыслов составляет большую, чем у прямых просьб, вежливость косвенных побудительных речевых актов» [Дементьев, 2013, с. 244]. Ощутимое присутствие косвенных реквестивов в лингвистическом ландшафте китайского города отражает общую тенденцию не только к смягчению языка публичных директивов, но и к его «раскрепощению», применению творческого подхода к выбору форм

выражения побудительной интенции, стремлению задействовать эмоционально-оценочный компонент речи.

Отечественные исследователи отмечают схожую тенденцию к отходу от некой стандартизации текстов публичных директивов и в российском обществе, говорят о желании их составителей быть непохожими на других, оригинальными, необычными [Покровская, Кудинова, 2011, с. 47 – 48]. Так, например, Е.В. Бакумова, в своей работе говорит об очевидности творческого начала при составлении объявлений, расположенных в российском частном городском транспорте. Однако, вместе с тем, автор указывает на присутствие в их текстах стилистически сниженной, близкой к просторечию лексики, делает акцент на том, что часто за юмористической формой подачи информации скрывается пренебрежительное отношение к адресату, а за внешней вежливой формулой текстов – агрессивная составляющая, что «постепенно формирует представление о допустимости агрессии в городской коммуникации» [Бакумова, 2018, с. 33]. Отметим, что подобных проявлений демократизации языка китайских публичных директивов нами замечено не было.

В системе китайских публичных директивов суггестивы, составившие 35 % от общего количества проанализированных нами единиц, представлены, в основном, в виде директивов предупреждающего характера. Е.В. Ерофеева, опираясь на работу Е.И. Беляевой [Беляева, 1992], характеризует речевой акт предупреждения, в основе которого лежит желание заставить избежать опасность как «вид суггестива, основанный на прагматической пресуппозиции желания адресата не действовать вопреки своим интересам после извещения об опасности» [Ерофеева, 2014, с. 241]. Задачей директивов предупреждающего характера является информирование об опасной ситуации и предотвращение возможных негативных последствий. Адресату выгодно выполнение действия, к которому его призывает адресант, обладающий большим опытом или знанием, но это действие не является для адресата облигаторным. Для выражения предостережения в китайских публичных директивах используются следующие эксплицитные маркеры: 小心 (*Осторожно! Берегись!*), 当心 (*Будь осторожен!*), 注意 (*Внимание!*), например: 小心地滑 (*Осторожно, скользкий пол!*), 当心夹手 (*Осторожно, не прищемите руки!*). Иногда применяется сразу несколько маркеров, предупреждающих об опасности, например: 注意 小心碰头 (*Внимание! Осторожно, не ударьтесь головой!*). В ходе анализа нами был выявлен лишь один пример публичного директива предупреждающего характера, в тексте которого языковые маркеры предупреждения отсутствовали: 油漆未干 (*Окрашено! досл.: Краска ещё не высохла.*). Часто «строгость» директивов предупреждающего характера смягчается фразой 温馨提示 (*Дружеская рекомендация*), предваряющей предупреждающее высказывание, например: 温馨提示: 前方坡陡, 小心摔跤 (*Дружеская рекомендация: впереди крутой спуск, остерегайтесь падения!*).

Подводя итоги статьи, можем сделать следующие значимые для нашего исследования выводы.

1. Описание лингвистического ландшафта представляется нам эффективным методом исследования меняющейся языковой, социолингвистической и социологической ситуации в крупных городах Китая. Публичные директивы, регулирующие поведение людей в общественных местах, как значимая составляющая лингвистического ландшафта, отражают социокультурные особенности и фиксируют важные тенденции в развитии общества.

2. В ходе проведенного анализа была выявлена тенденция к смягчению коммуникативного намерения в текстах современных китайских публичных директивов, проявляющаяся в численном преобладании директивов в форме реквестивов и суггестивов над прескриптивами. Выбор в пользу прескриптивов характерен, в основном, для ситуаций, связанных с реальной опасностью. В других случаях составители директивов избегают строгих, авторитарных, категоричных приказов и отдают предпочтение реквестивам, которые, пусть даже и номинально, предоставляют адресату свободу выбора – совершать либо не совершать данное действие. При этом используются такие смягчающие стратегии как маркеры вежливости, обоснование просьбы, имплицитная форма подачи информации. Наличие большого количества суггестивов предостерегающего характера демонстрирует заботу о гражданах. Отмечена тенденция к «раскрепощению» языка публичных директивов, к отказу от готовых формул и клише, к использованию более свободных, нетрадиционных форм выражения побудительной интенции.

3. Публичные директивы не просто отражают существующую систему ценностей общества, культурные нормы и стандарты, но и играют определенную роль в их формировании, влияя на восприятие мира представителей того или иного общества «исподволь, но весьма значительно, поскольку данное воздействие, во-первых, является неосознанным для адресата, а во-вторых, многократным» [Покровская, Кудинова, 2011, с. 43]. Изменения, произошедшие за последние десятилетия как в форме, так и в содержании китайских публичных директивов свидетельствуют о том, что в современном городском обществе формируется атмосфера доброжелательности, уважительного отношения к личности, ее правам и свободам.

Литература

Бакумова Е.В. Медиаурбанистика: формы и языковое выражение (на материале коммуникативных практик Волгограда) // Филология в XXI веке. 2018. № 2. С. 29–34.

Баранова В.В., Федорова К.С. (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2, № 1 (6). С. 103–121.

Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж? Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1992. 168 с.

Бондаренко О.Р. Феномен англолизации лингвистического ландшафта современной России (к постановке проблемы) // Визуальная коммуникация

в социокультурной динамике: сб. статей II Междунар. науч. конф. Казань, 2016. С. 241–245.

Дементьев В.В. Косвенные директивы и манипуляции в русской речи: национально-ценностный взгляд // Культура и текст. 2013. № 2(15). С. 238–251.

Еремеев Я.Н. Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса: дис.... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 204 с.

Ерофеева Е.В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 240–247.

Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестн. Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. 2013. № 5. С. 159–167.

Леонтович О.А. «Всевидающее око» города с позиций социолингвистики // Acta Linguistica Petropolitana / Тр. Ин-та лингвистических исследований РАН. 2018. Т. XIV, ч. 3. С. 199–212.

Медведева Д.И. Языковая репрезентация концепта «запрет» в общественных знаках: дис.... канд. филол. наук. Ижевск, 2008, 195 с.

Насилевич К.А. Типология периферийных способов выражения реквестивного значения в английской диалогической речи // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2010. № 4. С. 130–137.

Петрова Е.Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 124–133.

Покровская Е.А., Кудинова Е.В. Инструкционно-запретительные надписи как инструмент идеологического воздействия (на материале русского и итальянского языков) // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 43–48.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/SLOVO, 2008. 262 с.

Шорина Л.В. Публичный директив и его место в системе речевых актов (на материале американского варианта английского языка и русского языка)? автореф. дис.... канд. филол. наук. СПб., 2007. 18 с.

Chen Xinren (陈新仁). Hanyu gaoshiyu de yuyong yanjiu (汉语告示语的语用研究) // Jinan daxue huawen xueyuan xuebao (暨南大学华文学院学报). 2001. № 4. P. 58–65.

Gorter D. Introduction. The Study of Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism // International Journal of Multilingualism. 2006. Vol. 3. P. 1–6.

Laundry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape. And ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. No. 16 (1). P. 24–49.

Liu Chenhong (刘晨红). Bianyi gaoshiyu de huawen yanjiu (变异告示语的互文研究) // Beifang minzu daxue xuebao (Zhaxue shehui kexue ban) (北方民族大学学报 (哲学社会科学版)). 2013. No.4. P. 126–132.

Wang Caili (王彩丽). Dui jingshi lei gaoshiyu de renzhi yuyong fenxi (对警示类告示语的认知语用分析) // Jiangsu gongye xueyuan xuebao (Shehui kexue ban) (江苏工业学院学报 (社会科学版)), 2005, vol. 6, no. 1, pp. 60–63.

References

Bakumova E.V. Mediaurbanistika: formy i yazykovoye vyrazheniye (na materiale kommunikativnykh praktik Volgograda), *Filologiya v XXI veke*, 2018, no 2, pp. 29–34. (In Russian).

Baranova V.V., Fedorova K.S. (Ne)vidimost' i (vne)nakhodimost': trudovyye migranty i yazykovoy landshaft Sankt-Peterburga, *Gorodskiy issledovaniya i praktiki*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 103-121. (In Russian).

Belyayeva E.I. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: angliyskiy yazyk*, Voronezh, 1992. 168 p. (In Russian).

Bondarenko O.R. Fenomen anglizatsii lingvisticheskogo landshafta sovremennoy Rossii (k postanovke problemy). *Vizualnaya kommunikatsiya v sotsiokulturnoy dinamike: sbornik statey II Mezhdunar. nauch. konf.*, Kazan', 2016, pp. 241-245. (In Russian).

Dementyev V.V. Kosvennyye direktivy i manipulyatsii v russkoy rechi: natsionalno-tsennostnyy vzglyad. *Kultura i tekst*, 2013, no. 2(15), pp. 238-251. (In Russian).

Yeremeyev Ya.N. *Direktivnyye vyskazyvaniya kak komponent kommunikativnogo protsessa: dis.... kand. filol. nauk*. Voronezh, 2001. 204 p. (In Russian).

Erofeyeva E.V. Rechevye akty ugrozy i preduprezhdeniya i ikh kosvennaya realizatsiya vo frantsuzskom diskurse. *Politicheskaya lingvistika*, 2014, no. 4 (50), pp. 240-247. (In Russian).

Kirilina A.V. Opisaniye lingvisticheskogo landshafta kak novyy metod issledovaniya yazyka v ehpokhu globalizatsii. *Vestn. Tverskogo gos. un-ta. Seriya: Filologiya*, 2013, no. 5, pp. 159-167. (In Russian).

Leontovich O.A. «Vsevidyashcheye oko» goroda s pozitsiy sotsiolingvistiki. *Acta Linguistica Petropolitana. Tr. In-ta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*, 2018, vol. XIV, part 3, pp. 199-212. (In Russian).

Medvedeva D.I. *Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta «zapret» v obshchestvennykh znakakh: dis.... kand. filol. nauk*. Izhevsk, 2008, 195 p. (In Russian).

Nasilevich K.A. Tipologiya periferiynykh sposobov vyrazheniya rekvestivnogo znacheniya v angliyskoy dialogicheskoy rechi. *Izv. YuFU. Filol. nauki*, 2010, no. 4, pp. 130–137. (In Russian).

Petrova E.B. Katalogizatsiya pobuditelnykh rechevykh aktov v lingvisticheskoy pragmatike. *Vestn. Voronezhskogo gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2008, no. 3, pp. 124–133. (In Russian).

Pokrovskaya E.A. Kudina E.V. Instruksionno-zapretitelnyye nadpisi kak instrument ideologicheskogo vozdeystviya (na materiale russkogo i italiyskogo yazykov). *Politicheskaya lingvistika*, 2011, no. 2 (36), pp. 43-48. (In Russian).

Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, M., Slovo, 2008, 262 p. (In Russian).

Shorina L.V. *Publichnyy direktiv i yego mesto v sisteme rechevykh aktov (na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka i russkogo yazyka): avtoref. dis.... kand. filol. nauk*, St. Petersburg, 2007, 18 p. (In Russian).

Chen Xinren. Hanyu gaoshiyu de yuyong yanjiu. *Jinan daxue huawen xueyuan xuebao*, 2001, no. 4, pp. 58-65. (In Chinese).

Gorter D. Introduction. The Study of Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism. *International Journal of Multilingualism*, 2006, vol. 3, pp. 1-6. (In English).

Laundry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape. And ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, 1997, no. 16 (1), pp. 24–49. (In English).

Liu Chenhong. Bianyi gaoshi yu de huwen yanjiu. *Beifang minzu daxue xuebao (Zhaxue shehui kexue ban)*, 2013, no. 4, pp. 126-132. (In Chinese).

Wang Caili. Dui jingshi lei gaoshiyu de renzhi yuyong fenxi. *Jiangsu gongye xueyuan xuebao (Shehui kexue ban)*, 2005, vol. 6, no.1, pp. 60-63. (In Chinese).

Nadezhda N. Kotelnikova (Volgograd, Russian Federation)

Public Signs as Part of the Linguistic Landscape of a Modern Chinese City

Public signs which manage people's behaviour in public places are an integral part of the linguistic landscape of any city. They not only reflect the existing system of social values, cultural norms and standards, but also play a role in their formation by exerting unconscious and repeated influence on the mentality of citizens. The article examines the linguistic and sociocultural features of the texts of Chinese public signs. The tendencies to soften communicative intent in the texts of public signs, to implement the principle of courtesy, to reject ready-made formulas and clichés, to use the implicit forms of inducement intent expression are noted.

Key words: *China, linguistic landscape, public signs, prescriptive, requestive, suggestive.*

Nadezhda N. Kotelnikova – Ph. D. of Pedagogy, associate professor of Intercultural Communication and Translation Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University.

E-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com